

СТРАШНЫЙ СОН

Всю ночь ее преследовали кошмары. Ей снились сумрачные сырые ущелья, извилистые тропинки в горах, камни, срывающиеся из-под ног в стремнину. Она повисала над пропастью, ухватившись за куст или едва заметный выступ скалы, а потом, так и не выкарабкавшись, снова взбиралась крутой горной тропой уже в другом месте, и снова камни беззвучно проваливались под ногами.

Ее видения Земли были призрачны и во многом условны, она никогда не ступала по Земле и даже фильма о путешествии в горах не смотрела, так что эти ночные кошмары, думала она, достались в наследство от предков. Ей часто снилась Земля, но это были какие-то ненастоящие сны, смутные и нереальные, как будто видишь во сне, что тебе снится сон. Когда же в ее Сновидениях появлялся знакомый мир Корабля, она воспринимала его реальным до мелочей.

Вставая, она решила, что, возможно, разбалансировалась атмосфера, если ей так плохо спалось, но стрелки давления и кислорода стояли на месте, и она успокоилась. Человек на Корабле больше верит показаниям приборов, чем собственным ощущениям.

"Жаль, что на Корабле нет шкалы настроения, - подумалось ей. - Сейчас стрелка указала бы на "весело", и тебе, хочешь не хочешь, пришлось бы развеселиться, Полина".

Но ей уже и без того было весело.

Мурлыча мелодийку, привязавшуюся еще вчера, во время музыкальных занятий с детьми, она поднялась в рубку. Здесь, под звездами, усеявшими черный свод неба, под звездами, навстречу которым устремился Корабль, начинался каждый ее день. Конечно, она не чувствовала и не могла чувствовать никакого движения; наоборот, казалось. Корабль завис в безбрежной пустоте, завис, замер и затаился; но одна маленькая звездочка, та самая, постепенно приближалась к ним, год от года обрисовываясь ярче, отчетливее. Кораблем управлял запрограммированный на Земле Навигатор, так что экипаж практически не нуждался в звездах - ни для наблюдений, ни для ориентировки. И все же колuche сверкающий холодными искрами купол рубки притягивал взгляды и сердца, напоминая каждому: звезды рядом!

На Корабле не было ни одной лестницы. И хотя только жилые помещения составляли добрых шесть этажей, а сила тяжести приближалась к земной, создатели Корабля обошлись без ступенек. Из рубки вниз, на ферму, и дальше, через складские помещения, вплоть до машинного отделения, вел наклонный винтовой коридор, много раз опоясывающий Корабль по стенке, виток на этаж. Пол коридора был выстлан пластиком, напоминающим мягкую зеленую травку Земли. С пробега по этой "травке" от рубки до фермы и обратно начинался каждый день Полины.

Шесть этажей. Шесть круглых вместительных залов. Такими же они были и вчера, и позавчера, и десять лет назад...

Библиотечный зал еще пуст. Не светятся стереоэкраны, молчат педантичные автоматы - Педагоги. Только дремлющий Консультант, кладезь знаний и добрейшая душа, слабо помигивает индикаторами пульта. Она улыбнулась ему на бегу, как живому существу:

- Привет, старина!

И Консультант ответил немедленно, точно только этого и ждал:

- Доброе утро, Полина!

На спальном этаже тишина. Двенадцать маленьких кают расположились по окружности, для каждого своя каюта. Корабль рассчитан максимум на двенадцать человек. Их сейчас всего семеро. "Интересно, что думает Свен о проблеме народонаселения, - лукаво напомнила она себе. - Кажется, пора бы, Марта уже подросла".

Сад. Три десятка фруктовых деревьев, подстриженные изгороди акаций, бурно разросшаяся трава. Аллеи, посыпанные песком, маленький бассейн, площадки для занятий спортом. Даже птицы, беззаботные певчие птахи, совсем как на Земле щебечущие по утрам.

Старшие дети уже встали. Александр орудовал гирями, а хорошенькая пятнадцатилетняя Люсьен мчалась на велосипеде, всю нажимая на педали, и с экрана летела под колеса земная дорожка, проносились по сторонам земные домики, прозрачные березовые рощи. "Неужели, - подума-

лось Полине, - она все еще живет в мире детских иллюзий: настоящая дорога, настоящий встречный ветер в лицо? Или это уже привычка?!"

На кухонном этаже никого не было, но Синтезатор мерно гудел, творя людям пищу, на плите шумел большой чайник, древний символ семейного уюта, - значит, дежурный уже приступил к исполнению своих обязанностей.

Вот и ферма, нижний пункт ее пробега, здесь можно передохнуть минутку. Увидев хозяйку, обитатели фермы всполошились. Кролики, отталкивая друг друга, бросились к краю клетки, просительно зашевелили носами. Закудахтали куры, застучали в пустую кормушку. Прильнули к стеклу бассейна лупоглазые карпы.

Напевая, Полина потрепала за уши кроликов, щелкнула по носу самого крупного карпа по имени Гаргантюа, прозванного так за прожорливость, отобрала яйца у кур, и все, точно ждали только ее появления, а не корма, сразу успокоились. Сорвала несколько листьев салата, пощипала зеленый лук и укроп. Новая партия редиски, пожалуй, еще не поспела. Корзинку с зеленью поставила у входа - для дежурного.

Опять глупый Гаргантюа уставился через стекло, предлагал поиграть с ним. "Скучают, - подумала Полина. - Тяжко им тут - ни пруда, ни зеленой лужайки, на всю жизнь заперты в четырех стенах. Совсем как мы. Разве что наша клетка чуть просторнее, но тоже никуда из нее не вырвешься".

На кухне уже гремел посудой десятилетний Джон - заспанный, вихрастый.

- Как себя чувствуешь, малыш?

- Спасибо, отлично, тетя Полина. А вы?

- Как всегда - хорошо! Тебе помочь?

- Что вы, я сам! Я решил сделать салат с кальмаром, ничего?

- На твой вкус, Джон!

Она побежала дальше. Но как хотелось ей в этот момент отпустить Джона порезвиться в бассейн, к другим ребятам, и сделать за него несложную кухонную работу. Однако строгие традиции Корабля не допускали никаких вольностей.

Поднявшись наверх, к звездам, она порядком запыхалась, но эта легкая усталость доставила ей удовольствие. Не так уж много удовольствий выпадало им на Корабле, физическая нагрузка - одно из них. Вот почему спортом охотно занимались все. "Почти все", - поправила она себя, вспомнив Свена.

Теперь - десять минут на брусках вместе с Люсьен.

- Как хорошо у вас получается стойка, тетя Полина.

- Ты научишься делать еще лучше. Тяни носок, девочка, тяни носок. Нам, женщинам, нужна не только сила, но и грация, - она озорно подмигнула, чтобы нравиться нашим неповоротливым мужчинам. Больше гибкости, девочка!

Десять минут с малышами в бассейне.

- Серж, ты неправильно дышишь. Вспомни, как учил дядя Свен. Марта, доченька, а ты чего стоишь?

- Мама, а почему рыбки тоже умеют плавать?

- Когда они были совсем крошечные, их научили мамы.

- А разве у рыбок есть мамы?

- Конечно, у всего живого есть мамы.

- А у Сержика почему-то нету.

- Плавай, дочка, плавай. У Сержа тоже была мама.

Александр замер на перекладине, залюбовавшись Люсьен, прыгающей через скакалку. Хорошая фигурка у девочки. И показать себя умеет.

- Выше, Люсьен, выше, задорнее! А ты, Александр, не свались с турника загляделся! Марта, смелее, не бойся, не утонешь. Смотри, как я.

Она следила за детьми, разговаривала с ними, плавала, плескалась, и все стояли перед нею эти горные тропинки, эти мглистые ущелья, эти камни, исчезающие из-под ног. Но теперь прежние страхи улетучились, осталось только ощущение новизны, какого-то приятного открытия, будто она и в самом деле побывала на Земле. Как все-таки живуче в нас земное притяжение! Оно будет тревожить по ночам и Марту, и ее внуков, и правнуков, пока через триста лет не вернуться они на Землю и не ступят на нее собственной ногой.

- Приготовиться к завтраку, - звонко выкрикнул вбежавший в сад Джон. Салат! Яичница!

Кофе с молоком!

Дети стремглав бросились одеваться: на аппетит никто не жаловался.

Полина поднялась к себе в каюту, подошла к зеркалу. Навстречу ей шагнула из-за стекла молодая, все еще свежая тридцатилетняя женщина с округлыми щеками, пышными каштановыми волосами и спокойным взглядом больших серых глаз. Если бы не грустинка во взгляде, не озабоченность на лице, она, пожалуй, ни в чем не уступила бы Люсьен: гибкая, цветущая, привлекательная женщина в лучшем женском возрасте, которой еще предстоит родить Кораблю одного, а то и двух детей. Полина улыбнулась своему отражению.

"Надену платье, - решила она, - да поярче, нельзя же вечно в комбинезоне. Может, Свену будет приятно".

Вот уже несколько дней Свен хандрит и пренебрегал зарядкой. В этом не было ничего особенного, такое не раз случалось и с ним, и с нею, и с другими, кто был до них. Ничего, пройдет. Надоест хандрить, как все на свете надоедает, и Свен с новой энергией примется задела. А пока его лучше не тревожить, пусть сидит над шахматными этюдами или читает философские книги, взрослому человеку самому лучше знать, как быстрее войту в форму.

Она привела в порядок волосы, перехватила их лентой и, все еще напевая, - вот ведь привязалась мелодийка, - подошла к каюте Свена.

- Свен! - позвала она, открывая дверь. - Свен, завтракать!

Каюта была пуста.

Полина поднялась в рубку. На черном небе не мигая холодно светились яркие проколы звезд, всегда одних и тех же, равнодушных ко всему.

- Свен!

Никого.

Спустилась в библиотеку, в сад, на ферму, обошла этажи и кладовые, заглядывая в темные углы, будто искала какую-то потерявшуюся вещь, потом вернулась, проверила все двенадцать кают. Свена не было нигде.

"Что за дурацкие шуточки, - подумала она, еще не чувствуя ничего, кроме раздражения. - Корабль не городская квартира, из него не выйдешь прогуляться". И тут, как лавина в горах - грохочущая, неудержимая, все сметающая на пути, - обрушилось на нее неизбежное прозрение...

На какое-то время мир исчез. Не было ничего: ни Вселенной, ни горя, ни самой Полины, ни Корабля, ни боли, ни единой мысли - только тяжесть, непомерная, убивающая сознание тяжесть.

Потом словно кто-то прошептал: "Не испугай детей. Они там ждут. Самое главное - не испугай детей..."

Через несколько минут, побледневшая, но внешне абсолютно спокойная, она села за стол.

- Начнем, ребята, - сказала ровным голосом.

- А где папа? - пискнула Марта.

- Ему нездоровится, детка. Он поест попозже.

Она сумела произнести эти слова хладнокровно. И тут же поймала на себе острый, допытывающийся взгляд Александра, отметила, как разом исчез румянец с лица Люсьен. Все остальные, не обращая внимания на старших, принялись за салат.

- Мама, я хочу редиску. Скоро поспеет редиска?

- Скоро, дочка.

Она взяла нож, чтобы разложить по тарелкам яичницу. Нож оказался теплым, шершавым. И вообще это был не нож... Это был куст, слабенький куст, выдранный с корнями из отвесной скалы, по которой она, полуживая, карабкалась вверх, спасаясь от лавины.

Она почувствовала, что камни под ногами исчезают, исчезают, и ей не за что больше ухватиться, не на что опереться... а внизу пропасть... глубокая... бездонная...

Полина выронила нож и обеими руками вцепилась в край стола.

ДВЕРЬ

Над ними были звезды. Чужие звезды, не такие, как на Земле. И не только потому, что очертания созвездий немного изменились, - здесь звезды приобретали особый смысл, здесь они были не далеким, почти призрачным украшением небосвода, а единственной реальностью окружающего. Все знали, что перед ними не подлинная картина мироздания, а лишь копия, нарисованная наруж-

ными антеннами, на куполообразном экране, - однако это ничего не меняло. Недаром устав Корабля предусматривал проводить воспитательные беседы с детьми в рубке - только перед лицом вселенной можно до конца осознать всю дерзновенность предпринятого ими: жалкая горстка людей, слабых существ, жизнь каждого из которых мгновение, с трудом оторвавшись от своей заурядной планетки, с трудом преодолев притяжение своего заурядного солнца, - рискнула познать бесконечность звезд, назвать себя равными им.

Нет, сколько ни внушай подрастающему человеку, как ответственна его задача, какие надежды связывает с этой экспедицией Земля, доводы разума ничто перед эмоциональной встряской, когда человек остается наедине со звездами. Только здесь ощущаешь себя частью великого сообщества людей, одним из пяти миллиардов, выполняющим особо ответственную миссию, только здесь понимаешь, что на тебя смотрит человечество, - и поэтому в полной мере сознаешь себя не пассивным пленником Корабля, а личностью, от которой зависит будущее Земли.

Полина смотрела на звезды глазами взрослой, много передумавшего, много выстрадавшего человека. Александр - холодно, серьезно, озабоченно, как рассудительный юноша и будущий командир. Люсьен смотрела восторженными детскими глазами, но к ее наивному девичьему восторгу уже примешивалось удивление пугающим несоответствием масштабов звезд и дерзнувшего познать их человека.

Да, непросто было Полине начать разговор. Она откладывала его со дня на день, с часу на час, и, чем дальше откладывала, тем меньше оставалось в ней решимости. Еще слишком слабая, издерганная и взбудораженная, она боялась, что не выдержит, расплечется перед детьми - и все только испортит.

"Бесстрастно, совершенно бесстрастно, - уговаривала она себя. - Сообщи им обо всем сухими официальными словами, как сделал бы это Консультант. Вот именно, как старина Консультант. Факты, только факты!" Но уговоры не действовали. Ее сковывала ответственность предстоящего разговора, в котором малейшая ошибка, малейшая фальшь может оказаться непоправимой.

- Я должна сказать вам об этом, - трудно проговорила наконец Полина. Свен ушел от нас!

Александр молча ждал объяснений. Люсьен не выдержала:

- Ушел? Ушел с Корабля?! Что значит - ушел? Куда?..

Вымученная улыбка скользнула по лицу Полины. Так она и знала. Их интересует не почему он ушел, а куда ушел. Куда можно уйти с Корабля, несущегося среди звезд?!

- Устав запрещает сообщать об этом детям, не достигшим восемнадцати лет. Но я должна раскрыть вам все, у меня нет другого выхода. Обстоятельства изменились, и в этих обстоятельствах приходится считать вас взрослыми. Те, кто сконструировал Корабль и направил его к звездам, предусмотрели для членов экспедиции возможность _уйти_. Это было необходимо. Во-первых, человечество не вправе насильно посылать кого-либо на подвиг, подвиг - дело сугубо добровольное, а ведь наш полет - своего рода подвиг. И коли у нас нет иного способа отказаться от участия в этом подвиге, предусмотрена возможность _уйти_. Во-вторых, _уйти_ может человек, почувствовавший серьезные отклонения в своей психике. Истерик, брюзга, человеконенавистник способен вывести из строя весь экипаж. Поэтому он имеет право сознательно избавить Корабль от своей персоны. И, наконец, _уход_ предусмотрен для лиц, совершивших преступление. Тоже добровольный _уход_...

- Но уход... куда? - опять не выдержала Люсьен.

- Подожди, девочка, всему свое время. Корабль уже знает два случая _ухода_. Когда умер Джон, первый наш командир, _ушла_ Софи, его жена: она не могла жить без Джона. Позднее _ушел_, совершив преступление, Рудольф. Какое преступление, как, что и почему - вы узнаете, когда будете изучать историю Корабля. Пока важно не это. Важно, что и Софи, и Рудольф имели веские основания _уйти_. Почему _ушел_ Свен, я не знаю. Не вижу оснований.

- Разве он ничего не сказал вам, тетя Полина?

- Нет, девочка, он ничего не сказал нам. Может, в будущем мы поймем это, во всяком случае, постараемся понять. А теперь спустимся вниз, я покажу вам, куда _ушел_ Свен.

Они покинули рубку и, миновав жилые помещения и три этажа складов, спустились к машинному отделению. Едва заметная вибрация корпуса ощущалась здесь не больше, чем там, наверху, но шум работающего двигателя слышался отчетливее. Полутемный коридор уперся в овальную стальную дверь.

- Прежде Корабль кончался для вас здесь, - сказала Полина, набирая шифр на замке. - Теперь посмотрите машинное отделение. Реактор и все вспомогательные системы работают автоматически,

но вход людям разрешен.

Дверь открылась, в помещении вспыхнул свет. Молча прошли и бесконечным серпантинном узкого серого коридора, остановились у другой такой же двери. Дальше идти было некуда. Полина нажала рукоять - и в массивном корпусе двери появилось крохотное оконце. За его синим стеклом бушевал адский пламень.

- Вот эта дверь. Она открывается особым секретным шифром, который вы узнаете от Консультанта в двадцать лет. За этой дверью нет ничего. Там реактор.

Глаза Люсьен округлились, в них заплясали синие отблески.

- Значит, он _ушел_ туда, - прошептал Александр.

- Да, он ушел туда.

- Но ведь это жестоко! - выкрикнула, ломая пальцы, Люсьен. - Зачем они придумали эту чудовищную дверь?!

- Я не имела права посвящать вас в тайну _ухода_, но так случилось, слишком рано приходится вам взрослеть. Да, девочка, это жестоко. Но есть в жизни жестокости, без которых не обойтись. Без этой заранее предусмотренной жестокости экспедиция никогда не достигла бы Цели.

- Почему? Почему?!

- Потому что человек, не желающий лететь к звездам, чувствовал бы себя пожизненным узником, заключенным в Корабль без всякой вины. Потому что опасно жить бок о бок с преступником или сумасшедшим. И раз уж человек решил покончить с собой, разве лучше, если бы Свен повесился у себя в каюте и его увидела Марта? Нет, дети, поверьте мне и не называйте жестокостью то, что со временем оцените как гуманность. Конечно, _уход_ явление исключительное. Но человек всегда должен иметь возможность выбора.

- Вы оправдываете его?! - задыхаясь, выкрикнул Александр.

- Никогда!

И тут она сорвалась. Не хватило выдержки, не хватило железной бесстрастности Консультанта. А главное, только здесь, у этой двери, окончательно осознала она всю глубину своего одиночества.

Одна, навеки одна!..

ПЕРВЫЕ

Что случилось бы с нею в эти дни отчаяния и безнадежности, если бы не ежеминутная поддержка отца?

Большой, бородатый, с густым низким голосом и добрым взглядом из-под лохматых бровей, он, как в детстве, часами просиживал с нею, и Полина снова чувствовала себя девочкой, удивленной и восхищенной громадностью жизненного опыта взрослых. Он рассказывал о Земле, о людях и о себе, а она впитывала каждое его слово, каждый жест, каждую улыбку - и постепенно обретала прежнюю устойчивость.

Она была еще очень слаба и порой забывала, что всего лишь вспоминает сказанное им ранее. Ей казалось, это не просто память об отце, это нечто несравнимо большее: он сам, живой и осязаемый. Он передал ей в наследство лучшие черты своего характера, он воспитал в ней мужество, волю и выдержку. Он был частью Полины, и она была его частью. И теперь он снова пришел к ней, чтобы поддержать в трудный час, помочь не поддаться отчаянию, не согнуться перед бедой. Без него она не выстояла бы.

- Видишь ли, дочка, здесь, на Корабле, наши жизни не принадлежат нам. Они принадлежат Земле. И поверь, Земля никогда не послала бы нас к звездам, если бы от нашей экспедиции не ждали ответа на вопрос: останется ли человечество навек прикованным к Солнцу или шагнет в Большой Космос. Мы первые, Полина, а путь первых всегда труден. Опасен. Порой трагичен. Но должен же кто-то быть первым...

"Должен же кто-то быть первым" - эта бесхитростная формула сопутствовала ей всю жизнь. Порой, выведенная из себя житейскими невзгодами, усталая или обиженная, Полина возмущалась: почему не другие, почему именно мы? Но тут же вспоминала покоряющую улыбку отца и его неопровержимый в своей простоте довод: должен же кто-то быть первым, так почему другие, почему не мы?

- Как будто бы наша задача совсем проста - выжить самим и вырастить тех, кто останется по-

сле нас. Беззаботная жизнь, как у травы, не правда ли? Но так только кажется. Выжить самим и вырастить следующее поколение в условиях Корабля неимоверно трудно. Кроме всего прочего, еще и потому, что каждый из нас не просто человек сам по себе, но и звено в цепи поколений. От каждого, буквально от каждого зависит успех экспедиции. Только подумай, десять-двенадцать поколений, и ты в ответе за того, кто придет после тебя не завтра, не к закату твоих дней, а через триста лет. Огромная ответственность, и она давит на психику, мешает жить просто, как трава. Но без этой ответственности нельзя. Если каждый не осознает себя гражданином Корабля, цепочка может прерваться, и тогда все полетит в тартарары - все усилия и страдания предыдущих поколений. Зато одно немаловажное обстоятельство психологически укрепляет нас: цель жизни. Поскольку здесь все равно невозможно то полное, безусловное счастье, право на которое человек, живущий на Земле, получает от рождения, поскольку наши жизни не принадлежат нам, - мы все, каждый, должны до конца мужественно донести свою ношу и тем самым оправдать свою жизнь. Иначе она теряет смысл. Вот так, дочка...

Она была самая младшая из первого поколения родившихся на Корабле. Когда отец рассказывал ей о Цели жизни, Полине исполнилось тринадцать лет. О, как памятен ей этот возраст широко распахнутых на мир глаз и тайно зреющих вопросов, которые не вдруг задашь взрослым, возраст критической переоценки окружающего и благодатных всходов коллективизма в прежде эгоистичной душе!

Она сидела на зеленой скамейке в саду, прижавшись головой к плечу отца. А рядом примостилась хорошенькая Марго, очень похожая на сегодняшнюю Люсьен, да и в тех же годах, за ней уже тогда приударял Свен, - и тоже впитывала каждое слово командира. Алекса любили все, весь экипаж - такой уж это был человек.

В другой раз Полина спросила: почему же так получилось, что на Земле, воплощающей собою Разум и Порядок, существует не одно государство, а несколько - с собственными обычаями, законами и правительствами? Отец едва заметно усмехнулся в усы.

- Чтобы понять сегодняшний день, дочка, - сказал он со вздохом, - надо знать историю. А история складывается из двух очень непохожих вещей: генерального направления, которое можно предвидеть наперед, потому что оно предопределено всем ходом развития человечества, и запутанных закоулков случайного, через которые следует человечество в поисках своего генерального направления. Изучи эти два слагаемых, и ты поймешь сегодняшний день.

Слова отца крепко запали ей в память, и теперь, силясь прорваться сквозь беду, сквозь отчаяние, сквозь тяжесть свалившейся на нее ответственности к пониманию происходящего, она снова и снова с благодарностью вспоминала практические уроки истории, преподанные ей отцом. В его пересказе воскресали эпохи, оживали прежде недвижные статуи исторических личностей, сталкивались и объединялись страсти, пристрастия, страстишки, приходили в действие скрытые пружины интриг, тайных сговоров, кастовых интересов - и через все это пестрое, многоцветное нагромождение конкретного шествовала неудержимая махина исторической необходимости...

Итак, чтобы постичь случившееся, чтобы разобраться в сегодняшнем дне, она должна вспомнить историю Корабля. Нет, не вспомнить - прочесть заново, иными, прозревшими глазами, призвать историю на помощь.

История Корабля... Список рождений и смертей. Однообразный, как сама жизнь на Корабле, где нет места никаким другим событиям. Только первая дата отличается от всех, первая да еще, может, последняя будет отличаться - через триста лет. Вот они, эти анналы, эти святцы Корабля, краткая летопись сорока восьми лет...

14 ИЮЛЯ 2112 г. - СТАРТ ПЕРВОЙ ЗВЕЗДНОЙ.

Два года ученые разных стран Западного Содружества готовили экспедицию и формировали экипаж, отбирая из тысяч добровольцев восьмерых наиболее подходящих. Эти восемь избранников должны были отвечать многим и многим требованиям, чтобы следующие за ними поколения Корабля обладали отменным здоровьем и жизнестойкостью; они, эти восемь, должны были соответствовать друг другу по чертам характера, по десяткам биологических и психологических признаков, ибо главное в подборе экипажа - совместимость. Ученые с самого начала понимали, что нет ничего более опасного для экспедиции, чем затаенная до поры ненависть, или простое, вполне понятное и все-таки необъяснимое "я его не переносу", или передающаяся от поколения к поколению родовая склока, непримиримая вражда космических Монтеки и Капулетти. К этому добавлялось еще и требование равной представительности стран Содружества.

Их было восемь, восемь звездных первопроходцев, четверо тридцатипятилетних мужчин и четыре двадцатипятилетние женщины. До старта они никогда не видели друг друга. Их готовили по-разному, их тренировали и обучали в разных странах, и они ничего не знали о семерых своих спутниках, кроме национальности.

Когда огромная толпа под жгучим техасским солнцем собралась проводить Первую Звездную, они, участники экспедиции, через головы родственников и друзей старались высмотреть тех, с кем суждено провести остаток жизни. Они навек отрывали себя от Земли, от своего времени, от привычного жизненного уклада, от друзей и родных, от семьи - чтобы затеряться в ледяной космической пустыне и никогда не узнать, чем кончится экспедиция, вернется ли Корабль на Землю через триста лет, обогнув одну из ближайших к Солнцу и все же такую далекую звезду. Им было о чем подумать в эти минуты, было что вспомнить, было с кем попрощаться, - а они старались угадать: кто же, кто из тысяч собравшихся здесь летит вместе с ними?! Уже тогда тяга к звездам пересиливала в них земное притяжение.

Над равниной звучала торжественная музыка, сверкали трубы оркестров, душно пахли цветы, ученые и государственные деятели говорили речи, и уже все было сказано и вслух, и вполголоса, - а они все еще не знали друг друга.

Потом Алекса усадили в автомобиль, увезли подземным туннелем к Кораблю, покоящемуся в глубокой шахте, и там совсем буднично, торопливо и деловито, почти похоронили в похожей на саркофаг ванне с вязкой жидкостью. Только он лег в эту ванну, надев специальный жизнеобеспечивающий скафандр, только почувствовал, что плавает, - и сразу сознание его затуманилось: наступил месячный стартовый анабиоз, облегчающий колоссальную перегрузку отрыва от Земли и от Солнца.

А когда он пришел в себя, над ним склонился высокий сухощавый человек с седыми висками. Это был Джон, командир экспедиции, американец. Алекс долго не мог понять, где он и что с ним происходит, пока не сообразил: да это же первый из его спутников. В то время уже ни Земля, ни Солнце не могли достать их своим притяжением.

Потом они просмотрели видеозапись старта, принятую с Земли аппаратурой Корабля, когда они спали в ваннах сном праведников. Последние команды прозвучали над притихшей толпой, охрипшие от волнения динамики отсчитали последние секунды - и вместе с огненным смерчем, что вырвался, казалось, из самых глубин планеты, поднялась над равниной гигантская серебристая ракета, повисла на мгновение и, прочертив небо, умчалась в неведомое, растаяла в синеве. Когда грохот смолк, случайные нестройные вскрики раздались над космодромом и диктор сказал: "Счастливого пути, друзья!"

Полина много раз видела эту запись, с которой началась поступь Необходимого в жизни Корабля. А потом на сцену вышло Случайное, непредвиденное, и оно тоже наложило свой отпечаток на историю Первой Звездной. И теперь, чтобы разобраться в сегодняшнем дне, надо вспомнить историю экспедиции. И надо передать эту историю следующим поколениям, чтобы обогатить их память и вооружить на случай нового непредвиденного.

7 ФЕВРАЛЯ 2116 г. - РОЖДЕНИЕ ФРЕДА У ДЖОНА И СОФИ.

26 НОЯБРЯ 2116 г. - СМЕРТЬ ДЖОНА; АЛЕКС ПРИНЯЛ КОМАНДОВАНИЕ КОРАБЛЕМ.

2 ДЕКАБРЯ 2116 г. - УХОД СОФИ.

Первые годы на Корабле были для них праздником. Уже зрелые люди, они снова почувствовали себя юнцами, вырвавшимися на каникулы с хорошей, веселой компанией. Непривычный, заманчивый мир открылся, перед ними. Они еще только познавали новую для них жизнь, постепенно привыкая к Кораблю и друг к другу. Это было время, когда устанавливались первые отношения первых: первая привязанность, первая дружба, первая любовь, первая космическая семья, когда незаметно, исподволь складывались традиции Корабля и ежедневный праздник еще не сменился ежедневными буднями.

Джон оказался хорошим командиром, волевым, требовательным, справедливым. И если все же преобладали в его характере жесткость и непреклонность над общительностью и добротой, то это с лихвой окупалось мягкостью его заместителя Алекса, с которым связала Джона крепкая мужская дружба.

На четвертый год полета у Джона и его жены, итальянки Софи, родился сын Фред - первенец Корабля. Рождение ребенка в космосе считалось тогда известным риском, и первым пошел на риск командир. Было все, что бывает в таких случаях на Земле: шампанское, цветы, подарки, даже им-

провизированный спектакль. А через несколько месяцев Джон слег: свалила какая-то странная, неизвестная на Земле болезнь. Она началась с необъяснимой апатии, а кончилась отеками всего тела и параличом. Ни Этель, врач экспедиции, ни Консультант, универсальная информационная машина, ничем не могли помочь.

Перед смертью Джон передал Алексу свой дневник - подробные записи течения болезни. Оказалось, Джон болел уже почти год, и никто не заметил этого! Как ни мучили его боли, как ни наседали въедливая, непреодолимая апатия, ни единым словом, ни единым жестом не выдал он изводившего его недуга. Это был период становления обычаев, и Джон не хотел, чтобы его страдания нежелательной мрачной ноткой откликнулись для тех, кто придет после него. Разумеется, Этель сделала все возможное, но и она многого не знала. Лишь толстая тетрадь, от корки до корки исписанная аккуратным убористым почерком, поведала и о симптомах зарождения болезни, и о бесплодных попытках лечения, и о серии опытов, которые Джон, отыскивая причину недуга, поставил на себе. Начав эти небезопасные эксперименты, Джон уже не надеялся на выздоровление - он думал о будущих поколениях Корабля.

До последнего дня он страдал молча, вот почему его смерть оказалась неожиданной. И только Алекс успел при жизни Джона оценить его подвиг и понять, какая большая душа скрывалась за непреклонностью и деловитостью первого командира.

Джона схоронили в реакторе, как полагалось по уставу. А через несколько дней Софи, застенчивая незаметная Софи, всегда тенью следовавшая за Джоном, ушла с Корабля. Казалось, эта худенькая большеглазая женщина, молчаливая и необщительная по натуре, не оставила после себя ничего, если не считать сына. Лишь много позднее среди ее вещей обнаружили рукописную поэму - восторженный и наивный гимн любви. Марта, лучше других знавшая итальянский, с трудом разобрав исчерканные, перемаранные строки, сказала почти с испугом: "Дантова сила! Кто бы мог подумать..."

Если смерть Джона от тяжелой болезни была несчастьем, которое можно понять и пережить, то неожиданный уход здоровой, полной сил женщины, молодой матери, потряс всех. Экипаж охватило что-то похожее на шок. Оставалось только полшага до суеверий, до страха обреченности Корабля, до веры в дурное предзнаменование. И если бы не Алекс, ставший командиром, кто знает, как сложилась бы дальнейшая судьба экспедиции...

11 ЯНВАРЯ 2118 г. - РОЖДЕНИЕ СВЕНА У УЛЬФА И ЭТЕЛЬ.

3 АВГУСТА 2120 г. - РОЖДЕНИЕ ЛИДИИ У РУДОЛЬФА И ЕВЫ.

У маленького Фреда появились сверстники. Бездетными оставались только Алекс и его жена французенка Марта. На командире больше, чем на ком-либо другом, лежала ответственность за регулирование населения Корабля, а каждое прибавление членов экипажа сверх оптимального числа ухудшало условия жизни остальных. Еще и другая причина руководила Алексом. Достаточно насыщенная программа исследований оставляла все-таки свободные часы, которые не всякий умел занять. А с детьми много забот, и пока есть на Корабле хоть один маленький, дел у всех по горло и времени для чрезмерного внимания к собственной персоне попросту не остается. Но как только дети подрастают...

22 МАЯ 2124 г. - СМЕРТЬ УЛЬФА.

24 МАЯ 2124 г. - УХОД РУДОЛЬФА.

4 ЯНВАРЯ 2125 г. - РОЖДЕНИЕ МАРГО ОТ УЛЬФА И ЕВЫ.

8 ЯНВАРЯ 2125 г. - СМЕРТЬ ЕВЫ.

На этот раз непредвиденное явилось в облике красавицы Евы, жены пунктуального немца Руди. Семьи на Корабле складывались по любви, но все-таки Корабль не Земля, чтобы обеспечить каждому выбор по вкусу. Алекс еще раньше заподозрил неладное с Евой - уж слишком тянуло ее к Ульфу. Но Ульф полюбил Этель, а потом и Ева стала женой Руди, родила дочь, и как будто все уладилось. Однако Алекс понимал, что стоит Ульфу подать надежду Еве - и затаившаяся искорка обернется пожаром. Вот почему и стремился Алекс как можно дольше загружать Еву заботами о детях. Устав Корабля не требовал соблюдения брачного контракта до конца жизни, предусматривался развод и новый брак, так что всегда можно было избежать драмы, заменив ее, на худой конец, нудным, но бескровным бытовым конфликтом.

Однако в своей страсти Ева - ох уж это имя! - пренебрегла доводами разума. Алекс понимал ее: она была женщина, может быть, слишком женщина, а женщина так уж устроена, что сметает все преграды на пути любви и добивается своего любой ценой. И все-таки, учитывая чрезмерную

эмоциональность Евы, ее не следовало включать в состав экспедиции. Дорого же обошлась Первой Звездной эта ошибка!

В первые годы, годы сплошного праздника, душой компании стал Ульф. Все, к чему бы он ни прикоснулся, проникалось легкостью, изяществом, мимолетной прелестью. Артист по призванию, придумщик и острослов, он режиссировал свадьбы, именины и крестины, он затевал искрометные спектакли, главная роль в которых всегда принадлежала Еве. И хотя на самом деле Ульф был глубже, значительнее, именно эти внешние черты сделали его в глазах Евы героем.

Она не разглядела и Руди. Добродушный, медлительный, основательный во всем, он, чтобы не казаться педантом, разыгрывал порой этакого простачка, над которым не грех позубоскалить. Понятно, он казался ей увальнем, тюфяком, личностью будничной и серой.

Когда праздники канули в прошлое и обыденное вступило в свои права, Ева затосковала. Ее натура настоятельно требовала яркого, драматического. В какой-то момент Ульф не выдержал осады - и грянула драма. Рассудительный, уравновешенный Руди, оказавшийся вспыльчивым ревнивцем, застав жену в каюте Ульфа, убил его молотком.

Это встряхнуло Корабль, как столкновение с метеоритом. Не было сказано ни слова, но Руди знал, что должен _уйти_, и он _ушел_. Ни командир, ни весь экипаж не имели права отменить этот суровый приговор. Жестокость была оправдана, возмездие должно было стать фактом истории, и оно стало фактом истории. Никто не осуждал ни Ульфа, павшего жертвой обдуманного чар Евы, ни Руди, ослепленного ревностью, - все осуждали только Еву, так уж повелось. И, выполнив свой последний долг, родив Марго, дочь Ульфа, Ева истерзанная укорами совести, умерла в послеродовой горячке.

Алекс подвел печальный итог первых тринадцати лет пути. Тринадцати из трехсот. Дружный и веселый коллектив растаял, из восьмерых осталось только трое. Трое взрослых и четверо детей. Это пахло катастрофой.

Перед Алексом возникла задача почти непосильная: за те, может быть, немногие годы, которые предстояло ему прожить, он должен был создать коллектив заново. Это значило - воспитать детей, заменив им собою всю Землю. Это значило - передать детям не только знания, необходимые, чтобы донести их до следующих поколений, но и то чувство ответственности за судьбу экспедиции, без которого знания - лишь ненужная обуза. И это значило - предостеречь будущие поколения от ошибок, свершившихся на его глазах. Только невероятная энергия добродушного фламандца, его выдержка, его воля позволили выполнить эту, казалось, невыполнимую задачу. Алекс оставил после себя новый коллектив, состоящий из семерых взрослых и одного ребенка, - коллектив, на который можно было положиться во всем.

1 МАЯ 2128 г. - РОЖДЕНИЕ ПОЛИНЫ У АЛЕКСА И МАРТЫ.

На этом история, заканчивалась, всему остальному Полина сама была свидетельницей. Она помнила отца еще безбородым и мать сравнительно молодой, но вот тетя Этель, вдова Ульфа и мать Свена, почему-то всегда представлялась ей седой аккуратной старушкой. На этом история заканчивалась для Полины. Но для других, для Александра и Люсьен, например, история продолжалась.

Сравнивая судьбу Первого и Второго поколений, Полина неизбежно приходила к выводу о том, что Первые, родившиеся под Солнцем, вспоенные земными реками, вскормленные плодами Земли, больше были подвержены эмоциям, порыву, настроению. Сильные люди, цельные люди, они подчинялись чувству, а не рассудку. Цельность их натур и восхищала и пугала Полину. Ей казалось, они взяли с собой на Корабль все страсти земные.

Второе поколение словно утратило что-то в тепличной атмосфере Корабля. Или горький опыт Первых научил их обуздывать себя? Или сказалось воспитание под звездным куполом?. Во всяком случае, ничего драматического в историю Корабля Второе поколение не вписало. Были несчастья, ссоры, слезы, были мелкие конфликты, но обошлось без драм.

БЕЗ ДРАМ

2 АПРЕЛЯ 2140 г. - СМЕРТЬ МАРТЫ.

14 СЕНТЯБРЯ 2141 г. - РОЖДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА У ФРЕДА И ЛИДИИ.

22 ФЕВРАЛЯ 2143 г. - СМЕРТЬ АЛЕКСА; ФРЕД ПРИНЯЛ КОМАНДОВАНИЕ КОРАБЛЕМ.

30 ДЕКАБРЯ 2145 г. - РОЖДЕНИЕ ЛЮСЬЕН У СВЕНА И МАРГО.

18 ИЮЛЯ 2150 г. - РОЖДЕНИЕ ДЖОНА-МЛАДШЕГО У ФРЕДА И ЛИДИИ.

16 МАРТА 2154 г. - РОЖДЕНИЕ СЕРЖА У СВЕНА И МАРГО.

ИЮЛЬ - НОЯБРЬ 2155 г. - СМЕРТЬ ЛИДИИ, ЭТЕЛЬ, ФРЕДА И МАРГО;

СВЕН ПРИНЯЛ КОМАНДОВАНИЕ КОРАБЛЕМ.

8 МАРТА 2157 г. - РОЖДЕНИЕ МАРТЫ-МЛАДШЕЙ У СВЕНА И ПОЛИНЫ.

Корабль был просторный, настолько просторный, что невольно наводил на мысль о расточительстве: зачем забрасывать в космос целый дворец, если экипаж не без комфорта обошелся бы и втрое меньшим помещением? Пластиковая дорожка, например, вполне годилась для велогонок - объившись у них вдруг нормальные велосипеды. И все-таки главное неудобство Корабля состояло как раз в том, что был он слишком тесен, чтобы стать для горстки оторванных от Земли людей не только домом, но и миром.

Наверное, когда человек счастлив и спокоен, на него не очень-то действует обстановка; но стоит потерять душевное равновесие - и тебе мешает жить, раздражает и выводит из себя каждая мелочь. Как давили на нее стены Корабля! Куда ни пойдешь, куда ни глянешь - всюду натыкаешься на осточертевший овал, за которым кончается белый свет, за которым нет ничего! Одна только эта замкнутость пространства, - думала в иные дни Полина, - способна свести с ума.

Если бы, бродя по этажам, она хоть раз натолкнулась, на какую-нибудь кладовочку, неизвестную раньше, на какой-нибудь укромный уголок, где не бывала уже тысячу раз, если бы откуда-то выпорхнула бабочка или стрекоза! Однако ничего такого не произошло ни разу, Их тесный мирок был ограничен непробиваемыми бронированными стенами, через которые не смела проникнуть даже мысль, даже фантазия.

До пятнадцати лет Полина как-то не замечала этих стен, но когда умер отец и у нее появилась неодолимая потребность уединения, она вдруг остро ощутила враждебность и противоестественность поставленного ей предела. Она металась по Кораблю в поисках тайного угла, где можно посидеть спокойно хотя бы час, не опасаясь, что тебя начнут развлекать и веселить, но такого угла не было; каюта не в счет, в каюте она жила, а ей хотелось найти пристанище где-то "на воле". Не обнаружив ничего лучшего, она облюбовала, ту самую зеленую скамейку в саду, на которой, бывало, сживал отец. Скрытая густыми зарослями акации, скамейка гарантировала по крайней мере видимость покоя и уединения.

Сколько дум передумала Полина, прячась на этой скамейке, сколько невысказанных жалоб проглотила, сколько слез пролила!

Именно здесь впервые пришла ей горькая мысль о несовершенстве маленького общества экспедиции. "Как же так, - рассуждала пятнадцатилетняя девочка, - как же так, если они, Первые, сумели стать несчастными, когда у каждого была жена или муж, друг, одним словом, - то что же будет со следующими поколениями, если какая-то девушка или какой-то юноша останется без спутника жизни? Неужели нельзя придумать что-то, чтобы избежать этого унижительного, недостойного человека недоразумения?!"

Тогда она еще не имела в виду себя, хотя предчувствовала, что ей первой суждено испить сию чашу. Однако уже через два года эта мысль не давала ей покоя: она опоздала родиться, и теперь для нее не осталось никого в их поколении, она лишняя, лишняя! Так пришло одиночество.

Она тихонько рыдала на своей скамейке, и кусала пальцы, и думала беспощадно, не жалея ни себя, ни других: "Мало того, что нас оторвали от Земли и заперли в этих стенах, которые страшнее всякой тюрьмы, потому что не оставляют малейшей надежды на избавление, - меня еще и обрекли на вечное одиночество. Даже здесь, в нашем стерильном мире!"

Это отчаяние, эти слезы не были беспричинными, наоборот, причину имели вполне конкретную, но какая же семнадцатилетняя девочка на ее месте догадалась бы, что дело тут вовсе не в замкнутости Корабля, не в одиночестве, а всего лишь в неразделенной любви! Она и не подозревала, что те же муки терзали, терзают и всегда будут терзать семнадцатилетних девочек на Земле, бесконечно одиноких среди людей, потому что им нужен не кто-то, не любой, а именно тот, чье сердце уже отдано некой счастливой избраннице.

Тот единственный, в кого она была влюблена, звался Свен, а его избранница носила имя Марго. Полина любила Свена, любила Марго и никогда не пожелала бы им ничего дурного. Милая, приветливая, беззащитная, вся распахнутая настежь, вся светящаяся добротой, такая привлекательная, такая женственная Марго!.. Если бы она только узнала о муках Полины, она, не раздумывая, тут же отказалась бы от своего счастья. Но в чем была виновата Марго? И почему Марго

должна была пострадать? Нет, Полина не выдала тайны. Ни Свен, ни Марго так и не узнали никогда о ее любви; о ней не знал никто, кроме зеленой скамейки, а скамейка умела хранить секреты.

Еще прежде, чем Свен и Марго поженились, Полина подобрала подходящее лекарство и почти полностью выздоровела. Научившись обнаруживать недостатки в характере Свена, примечать любой его промах, любую нетактичность, любую сказанную им глупость, она с удовлетворением складывала из этих деталей, как ребенок из кубиков, новый облик Свена - и Свен предстал перед нею ленивым, бездеятельным, непоследовательным в своих идеалах, невнимательным и нечутким даже к Марго, эгоистичным до черствости, циничным и грубым. Кстати, это замечала и Марго, значит, Полина не относилась предвзято к своему прежнему кумиру, она лишь обрела объективную точку зрения. Однако если Марго смотрела на недостатки Свена сквозь пальцы и даже с улыбкой, то Полина вскоре научилась сопоставлять Свена с тем единственным идеалом мужчины, который она знала, - с отцом, и в этом беспощадном сравнении Свен еще больше проигрывал. Наконец, он стал ей почти безразличен, почти как все...

Осознав себя взрослой, Полина пришла к выводу, что ничего страшного не случилось, был обычный возрастной перелом, осложнившийся тем, что как раз в это время она осталась без отца, единственного настоящего друга и советчика. До пятнадцати лет он формировал ее характер, с семнадцати она сама взялась за себя, да так, что и отец позавидовал бы. Никаких драм в ее жизни не произошло, считала Полина. Как и все на Корабле, она ненавидела драмы и боялась их: слава богу, у них и без того достаточно забот, и без того велика ответственность...

Но так или иначе, если отвлечься от слишком личных, а потому несущественных для истории переживаний, двадцать семь лет со дня рождения Полины протекли подобно спокойной полноводной реке. Жизнь шла хорошо и размеренно, даже чересчур размеренно, и Полине казалось, что так и должно быть, что существование на Корабле и есть нормальная человеческая жизнь, а рассказы о Земле - только сказка, заманчивая, но ненужная сказка, уводящая в бесплодные мечтания, отвлекающая от повседневных дел.

Все ее сверстники из Второго поколения переженились, обзавелись детьми, лишь Полина оставалась одна. Ей по-прежнему не светило впереди, однако теперь она относилась к этому спокойно и не унывала. Устав Корабля не только разрешал, но и обязывал ее стать матерью, и она знала, что рано или поздно родит ребенка от Свена, но пока не спешила. Она любила маленького Александра, а позднее Люсьен, Джона и Сержа как собственных детей, и они отвечали ей взаимностью. О чем еще оставалось ей мечтать?

На этот раз непредвиденное не было абсолютно непредвиденным. В течение нескольких месяцев та же болезнь, от которой умер Джон, скосила сразу четверых: Лидию, тетю Этель, Фреда и Марго. Теперь, имея дневник Джона, они уже знали кое-что, и они приняли все возможные меры. Сутки напролет Фред, Полина и Марго просиживали у лабораторных столов. Тысячи анализов питьевой воды, воздуха, пищи, уровня радиации не дали никаких результатов. Гипотеза о том, что в замкнутой экологической схеме Корабля, в этом круговороте вещества что-то разладилось, не подтвердилась. Ни воздух, ни вода не содержали никаких вредных примесей, во всяком случае, не больше, чем на Земле.

Может быть, отравляли не химические вещества, а само сознание, что вода, которую они пьют, - это отходы людей и животных, что пища, которую они едят, заново воссоздается в Синтезаторе, что даже табак, который они курят, пропитан уловленным из воздуха никотином прежних сигарет и трубок? Фред склонялся именно к этой гипотезе. Попробовали поить за болевшую первой Лидию дважды очищенной водой и кормить только натуральной пищей, до крайнего возможного предела сократив поголовье кур и кроликов, - не помогло. С полной нагрузкой работал Консультант, предлагая все новые и новые остроумные опыты и эксперименты, требуя все новых и новых анализов, - и тоже напрасно...

А Корабль летел к своей звезде, и, значит, надо было жить, чтобы выполнить задачу экспедиции. Свен стал командиром, Полина - его женой.

Вот когда она пожалела, что так рьяно выискивала недостатки Свена, что от бывшего переполнявшего ее чувства остались одни крохи. За непримиримость юности пришлось расплачиваться разочарованием.

Полине казалось, Свен меньше всего подходит для роли командира. Правда, само это слово уже потеряло первоначальный смысл, истинными командирами были, пожалуй, только Джон и Алекс, уже Фреда точнее следовало бы называть старейшиной коллектива или даже главой семьи.

Тем более Свен. Он так и не пришел в себя после свалившейся на них беды. Ему явно не хватало энергии, целеустремленности, умения мыслить масштабами экспедиции. Да и в характере его преобладала созерцательность, какая-то болезненная углубленность в суть незначительных вещей и явлений, стремление чего бы то ни стоило докопаться до этой никому не нужной сути. Философствования Свена, его житейская неприспособленность раздражали Полину. Она старалась помогать ему во всем и по возможности не выказывать его слабости перед младшими, но Александр и Люсьен уже многое понимали.

И опять время сделало свое: постепенно утихла боль утраты, и быт, заменяющий на Корабле жизнь, опять привел все в норму. Полина родила дочь, назвав ее в честь бабушки Мартой. Материнство смягчило Полину, еще больше привязало к детям, к хозяйству, и она вскоре научилась прощать Свену то, что можно прощать мужу, близкому человеку, но не командиру. А вслед за этим пришла любовь, совсем непохожая на ту первую юношескую влюбленность, - спокойная, глубокая, зрелая. Правда, Полина не знала, полюбил ли ее Свен, и никогда не спрашивала об этом. Она привыкла думать, что полюбил, хотя он и не забывал Марго, Впрочем, ревность к памяти соперницы давно уже не тревожила Полину.

Она была вполне счастлива; дети росли здоровыми, добрыми, работающими; со Свеном ее связывала все крепнущая взаимная привязанность; и, размечтавшись, она уже видела у своей груди вторую дочь, потому что Кораблю нужна была девочка; и с удовлетворением поглядывала на старших на быстро мужавшего Александра и хорошенькую Люсьен, очаровательно краснеющую под его настойчивым взглядом, совсем как Марго краснела когда-то под взглядом Свена. И если иногда ее смущало слишком раннее повзросление детей или слишком перевешивающая чувства рассудочность, то на другой день радовала шаловливость и непосредственность. Ей не раз приходило в голову, что уж им-то, Третьему поколению, нисколько не мешает замкнутость пространства, что они, даже не слышавшие из первых уст рассказов о Земле, воспринимают ограниченный мир Корабля, как единственно возможное, данное от природы.

Как, наверное, тосковали по Земле те, Первые! Но уже для нее Земля была полуреальностью, полусном. А Третье поколение - это поколение Корабля, они родились здесь и воспитывались людьми, родившимися здесь. Едва ли они представляют себе Землю как мир, для них она всего лишь планета, подобно тому как звезда, к которой они летят, всего лишь звезда. Точка на карте вселенной, не больше.

Однажды Полина спросила Александра и Люсьен:

- Вам хотелось бы на Землю?

- Н-нет, - замотала головой Люсьен. - Я не знаю, какая она, Земля. Там очень много незнакомых людей, я просто растерялась бы.

Александр, прежде чем ответить, подумал.

- Здесь, на Корабле, наша родина, нам хорошо здесь. А на Землю... разве что посмотреть одним глазом, какая она. А насовсем - нет!

Полина и пожалела их, и позавидовала.

Так они и жили эти последние годы. Не чувствовалось никаких признаков надвигающейся катастрофы. Правда, иногда Овен барахлил, но это не в счет, они все барахлили время от времени, инстинктивно возмущаясь размеренным, как тиканье часов, существованием. Все шло хорошо, и вдруг - как гром среди ясного неба.

В чем же дело? Может, Свен возненавидел эти стены, превращающие Корабль в тесную кроличью клетку? Или так и не сумел забыть Марго? Нет, нет, нет, все это не то, совсем не то!..

Она не могла найти оправдания поступку Свена. Найдись оправдание, ей легче было бы понять его, простить, забыть, прийти в себя и все начать сначала. Должна ведь существовать причина _ухода_, учит история, не мог же человек _уйти_ просто так, из-за каприза, из-за минутной слабости. Если бы он, как настоящий мужчина, _уходя_, подумал о ней, о ее терзаниях, о том, что она должна как-то объяснить его исчезновение детям, - уж он догадался бы оставить хоть записку, хоть какой-то намек, что ли. Но он _ушел_ молча. Значит, или ему не хватило мужества, или он даже не вспомнил о ней в последние минуты. И не только о ней. Он не вспомнил о грядущих поколениях, о Цели, о долге, а это опять противоречит опыту истории: даже легкомысленная Ева _ушла_, выполнив свой последний долг, родив Марго.

Чем больше рассуждала Полина об _уходе_ Свена, тем чаще охватывал ее гнев: так поступить мог только человек, предавший Цель. Само право на уход, призванное охранять покой Корабля,

Свен обратил во вред Кораблю.

Что же ей делать теперь, как вести себя с детьми? Дети, дети... Их трудно воспитать, но проще простого свести на нет плоды кропотливой многолетней работы. Одна ошибка - и разом рухнут все моральные устои, необходимые для того, чтобы выжить самим и вырастить следующее поколение. Если она не найдет, что противопоставить духу безразличия, идущему от поступка Свена, экспедиция окажется в опасности.

Но думай не думай, терзайся не терзайся, а придется записать в анналах Корабля:
17 ОКТЯБРЯ 2160 г. - УХОД СВЕНА.

ПО СЛЕДАМ СВЕНА

И опять жизнь на Корабле потекла плавно и размеренно. Но теперь это нисколько не зависело от Полины. Она механически выполняла свои обязанности, с равной заинтересованностью занималась кухней и научными исследованиями по Основной Программе, задавала корм кроликам и разучивала с детьми Шопена, наблюдала за досугом малышей и часами бесцельно следила за перемигиванием индикаторов на пульте Консультанта - но мысли ее витали далеко от всего этого.

А большое хозяйство Корабля требовало внимания, прилежности, увлеченности. Еще больше времени и сил отнимали научные наблюдения и опыты. Бесчисленные датчики, шкалы, анализаторы, барометры, фотометры, термометры и дозиметры ежеминутно напоминали о себе, призывали к работе. Не только на каждого человека - на каждого кролика и карпа велся специальный журнал, куда регулярно заносились десятки очень важных цифр. Даже птички, беззаботные лесные птицы считались объектами уникального медико-биологического эксперимента.

В свое время Полина особенно любила копаться в огороде, может быть, потому, что здесь теснее всего переплетались интересы науки с хозяйственными интересами Корабля. Как будут вести себя растения в условиях длительного космического полета при повышенной радиации, искусственном освещении, искусственном климате? Отныне такой проблемы не существовало: растения-мутанты, растения-гибриды, выведенные Полиной, приносили неслыханный для Земли урожай. Да и вообще гигантская лаборатория, именовавшаяся Кораблем, ежедневно давала ответы на тысячи злободневнейших вопросов, жаль только, что так не скоро получают ученые Земли эти бесценные материалы.

В последнее время много забот взял на себя Александр. Ему приходилось работать и за себя, и за Свена, да и за Полину тоже. Он вел журналы, загружал хлореллой Синтезатор, чистил клетки кроликов и кур, менял воду в бассейне карпов, часами возился на грядках, вносил удобрения и пересаживал рассаду - словом, тянул за троих, не ведая усталости. И повсюду, как тень, следовала за ним Люсьен.

Однажды Полина сидела на зеленой скамейке в тенистом уголке сада, как всегда, погруженная в свои думы. По ту сторону бассейна Александр, азартно орудуя ножницами, подстригал деревья. Наверное, он не видел ее, он был слишком занят делом. Внезапно легкие шаги заставили Полину очнуться. За кустами мелькнул желтый комбинезон Люсьен, она оглянулась - и прильнула к Александру, обвив руками его шею. Нет, это был совсем не детский поцелуй. Полина, зная об их влюбленности, пожалуй, могла бы предположить и поцелуйчики, в конце концов, Александр уже почти взрослый, да и Люсьен прекрасно развита для своих лет, но такого Полина не ожидала.

Она осторожно покинула сад - они ничего не услышали, а через минуту окликнула из коридора:

- Люсьен! Люсьен, где ты?

И когда Люсьен появилась из-за кустов, сказала строго, но спокойно:

- Девочка, ты увлекаешься! - Она сделала паузу, и опущенные ресницы Люсьен дрогнули. - Нельзя оставлять детей за уроками одних.

Больше Полина ничего не рискнула ей сказать. Сама виновата, что они почувствовали себя чересчур вольно. И вообще, может быть, лучше поговорить с Александром, он парень разумный и достаточно выдержанный.

Вечером к ней подошел Джон, положил на стол карточку с задачей по математике. Вихрастый, бойкий, всегда жизнерадостный, на этот раз он выглядел смущенным.

- Тетя Полина, я решил задачу правильно, только совсем другим способом, я сам придумал другой способ, а Педагог...

В глазах мальчишки стояли слезы: машина-Педагог пробила отверстие в графе "двойка". Полина проверила решение Джона. Оно было остроумнее общепринятого, но давало другой ответ. Задачи могут иметь несколько ответов, это ясно, но ведь и Педагог знает свое дело.

- А почему ты не решал обычным путем, Джон?

- Зачем? Я и без того умею обычным. Я нашел новый. Дядя Свен сказал: настоящий математик, как и настоящий мыслитель, всегда ищет неожиданное решение. Если бы дядя Свен не болел...

Они объяснили малышам, что Свен болен и навещать его нельзя. Когда пройдет какое-то время и образ Свена померкнет в их памяти, придется сказать, что он умер и его уже давно схоронили. Не очень-то педагогично, но другого выхода Полина не нашла.

- В этом случае мы можем обойтись и без Свена. - Она ласково потрепала Джона по вихрам. - Пусть ваш спор разрешит Консультант, личность достаточно авторитетная и для тебя, и для Педагога.

Джон ухмыльнулся. Его забавляло, когда машины - Консультант, Педагог, Синтезатор - именовались личностью, товарищем или другом. Полина вспомнила, как ее отец, Алекс, всегда бывало, подходил к Консультанту со словами: "Скажи-ка, дружище, как ты думаешь..."

И, вставляя карточку в приемный блок Консультанта, она тоже спросила:

- Скажи-ка, дружище, как ты думаешь, прав был Педагог, когда поставил двойку нашему Джону?

- Не прав, - немедленно ответил Консультант. - Задача имеет два решения. Но Джон тоже не прав. Он должен был представить Педагогу оба решения.

- Ну вот видишь, мы и разобрались сами, без Свена!

Она еще не закончила фразу, а уже связывала, пыталась связать эти математические упражнения с _уходом_ Свена. Математикой с детьми обычно занимался Свен, он и натолкнул любопытного Джона на путь поиска самостоятельных решений. Вообще поиск новых, зачастую парадоксальных решений был слабостью Свена, он ко всему старался отыскать свой особый подход. Вот и бесконечные шахматные этюды, над которыми он убивал время, и головоломки, восхищавшие ребятишек... Но нет, разгадка не в этом, где-то рядом. Свен и Джон...

Свен и Джон...

Ах, да! Как она могла забыть! Видно, так уж устроена человеческая память: если нечто неприятное кончается плохо - его помнят, а если хорошо... Около месяца назад Джон заболел, у него началась та же болезнь, от которой умер его дед, теперь уж они знали ее симптомы. Несколько дней Джон пролежал в апатии, внешне он выглядел совершенно здоровым, но не хотел ни шевелиться, ни разговаривать, ни есть. Все они всполошились, надо было срочно предпринимать что-то, тем более, с ребенком это случилось впервые, может, ребенка удалось бы спасти. Снова взялась Полина за те же бесконечные анализы, и Свен просиживал с нею длинные ночи напролет, пока не опускались руки. Нет, они ничего не нашли, все было, как и прежде, в пределах предусмотренных норм.

И тогда между Александром, который не отходил от брата, и Свенем, тоже уставшим, издерганным от бессонных ночей над приборами, произошла стычка. Ну, не стычка - так, спор. Александр предложил еще раз запросить Консультанта, а Свен разгорячился, накричал на него: Консультант не бог и даже не человек, это всего-навсего под завязку напичканная фактами машина, и если раньше он ничего не мог посоветовать, а его спрашивали уже несколько раз, то смешно думать, что теперь он скажет что-то вразумительное. Но Александр стоял на своем, в конце концов, ничего ведь не случится, если они спросят еще раз, а вдруг... Полина понимала его: Джон был братом Александра, младшим братом, почти сыном. И она поддержала Александра, хотя считала, что прав Свен.

- Цирконий, - ответил Консультант так быстро, будто знал это всегда. Организм нуждается в цирконии, около миллиграмма на человека. Роль циркония в жизнедеятельности еще не установлена учеными. На Земле вода и пища содержат растворимые соединения циркония, на Корабле вода и пища лишены их. Назначаю лечение...

- Почему же, черт побери, ты не сказал этого раньше?! - взорвался Свен.

Конечно, не следовало таким тоном разговаривать с Консультантом, в его схеме было смонтировано нечто вроде примитивного самолюбия, и Консультант, естественно, обиделся.

- Я не бог и даже не человек, я всего-навсего самообучающаяся аналитическая машина, под завязку напичканная фактами, - ответил Консультант со всем доступным ему сарказмом. Это прозвучало уморительно, но никто не рассмеялся из-за серьезности положения. - Когда мне представ-

ляют достаточно данных, я делаю выводы. Вам следовало бы знать это, Свен.

Свен ушел, хлопнув дверью, и заперся у себя в каюте.

- Да, странно, - вдруг ни с того ни с сего заметил Александр, когда после нескольких дней лечения Джон начал поправляться. - Странно, что Консультант сообщил свои выводы только теперь. Последние факты он получил после смерти тети Марго, на анализ ему достаточно несколько секунд. Разве он не обязан сообщать важные сведения без нашего запроса?

- Обязан, если это действительно важные сведения. Но тогда никто не болел, и он, вероятно, посчитал, что пока эти сведения никому не нужны.

- Но ведь он должен был предвидеть, что в будущем опять кто-то заболеет, а его могут не спросить...

Полина улыбнулась:

- Ты не учитываешь, что Консультант всего лишь машина. Он прогнозирует будущее, но не умеет заботиться о нем.

- И все-таки здесь что-то явно не так, - не согласился Александр.

А вскоре об этом случае все забыли, потому что Джон поправился и они знали, что "циркониевая болезнь" никогда больше не повторится.

Все забыли...

Нет, пожалуй, не все забыли. Теперь она вспоминает: не все.

Свен прохандрил несколько дней, а потом у него, как обычно, начался период бурной деятельности. Поздно вечером, когда библиотека пустовала, он подолгу беседовал с Консультантом, причем почему-то не только устно, но и письменно. Полина не обратила на это внимания, она была рада, что Свен так быстро сумел выйти из хандры.

- О чем ты с ним? - спросила она мимоходом.

- Да ни о чем. О чем можно разговаривать с этим тупым эрудитом? Просто проверяю систему выхода. Мне показалось, там что-то не в порядке, он должен был давным-давно сообщить о цирконии.

- Ну и как, нашел неисправность?

- В том-то и загвоздка, что никакой неисправности нет.

- Уж не думаешь ли ты, что он хитрит? Или нарочно скрывает от нас что-то?

- Куда ему! - небрежно махнул рукой Свен.

Тогда она не обратила на это внимания. Но теперь простая последовательность событий заставила ее вспомнить все подробности, предшествовавшие _уходу_ Свена. После сообщения о цирконии Свен хандрил несколько дней. Потом около недели был бодр и деятелен, но вся его деятельность так или иначе связывалась с Консультантом. Потом опять захандрил - и уже до самого конца. Неужели Консультант сообщил ему что-нибудь из ряда вон выходящее? Едва ли, Свен всегда относился к нему свысока, да и не такому интеллекту, как Консультант, тягаться со Свеном. Тогда в чем же дело? В чем причина _ухода_ Свена?

Болезнь Джона - сообщение Консультанта - хандра - беседа с Консультантом - убеждение, что он исправен, - снова хандра... и уход. Нет, тут явно не хватает какого-то промежуточного звена. Но какого?.. Какого?!

За обедом маленькая Марта сказала:

- Mamочka, можно, я отнесу папе покушать? Я очень соскучилась без папы.

Джон и Серж вовсю уплетали куриный суп с лапшой, слова Марты пролетели мимо их ушей. Зато Александр и Люсьен застыли с ложками у рта.

- Ты забыла, дочка: когда я ем, я глух и нем, - строго оборвала ее Полина. - К нему нельзя заходить, он болен, и ты можешь заразиться. Я отнесу сама.

- А ты не заразишься, мамочка?

- Я - нет. Большим можно, а маленьким нельзя.

- А когда я вырасту большая, тыпустишь меня к папочке?

- Посмотрим, как будешь вести себя за столом.

После каждого завтрака, обеда и ужина Полина относилa поднос с едой в пустую каюту Свена, а ночью Александр все уносил обратно и выбрасывал в Синтезатор. Это было нелепо, но что поделаешь? Дверь она запирала на ключ. Ей еще предстояло тщательно обследовать все в этой пустой и почему-то пугающей каюте, но она никак не могла заставить себя, и пока все лежало в том беспорядке, как осталось наутро после _ухода_ Свена; Александру она строго-настрого наказала ни к

чему не притрагиваться.

Наконец Полина решилась. Глубокой ночью, она проскользнула в каюту, дважды повернула ключ, подергала дверь и принудила себя сесть в кресло. Клетчатая доска с расставленными шахматными фигурками, трубка, полная пепла, табак в коробке, свет настольной лампы под зеленым абажуром. В воздухе еще сохранился табачный запах. На крючке висел комбинезон Свена он ушел в тренировочном костюме. Полина нажала кнопку электрокниги. Что он читал накануне _ухода_? Она пустила микропленку назад: А.Конан Дойль. "Приключения Шерлока Холмса". Странно! Почти машинально перебрала остальные кассеты с микрокнигами: "Учебник криминалистики", "Ведение следствия", "Логика в алогических процессах", "Шахматные парадоксы", "Логические парадоксы", "Космическое право", "Электротехника". Боже, какой пестрый набор! И это он читал в последние дни, может быть, в последние минуты жизни! Что и говорить, Свен всегда оставался для нее книгой за семью печатями, только она избегала думать об этом.

Что еще? Рабочие башмаки в углу. Короткая изолированная проволочка на столе. Отвертка. Зачем ему понадобилась отвертка? Он никогда не увлекался техникой. Что-то, значит, подвинчивал. Или отвинчивал?

Полина поднялась, чтобы посмотреть все приборы с винтами и шурупами, нажала кнопку выключателя верхнего света - плафон не загорелся. Совсем странно! Она взяла отвертку - на пол упало что-то. Винтик. Небольшой винтик. Свен, вероятно, ремонтировал плафон.

Она пододвинула кресло на середину каюты. Точно, в абажуре не хватало одного винта. Черт побери, зачем понадобилось Свену посреди ночи идти за отверткой и ремонтировать плафон?! Неужели не мог дождаться утра - ведь настольная-то лампа горела! И плафон был в порядке, она еще заходила сюда накануне вечером и точно помнит, что плафон был в порядке. Непонятно!

Полина отвернула остальные винты, сняла плафон, и стоило ей подтянуть контакт, трубка мигнула и загорелась. Она вынула трубку, отвинтила все, что можно было отвинтить, и тогда зеркальный рефлектор, вделанный в потолок каюты, вдруг упал на кресло к ее ногам. Она осмотрела рефлектор он был насильно выломан из гнезда, по краям его неровно бугрился белый окаменевший клей. И что интересно, зеркальный рефлектор оказался прозрачным, совершенно прозрачным. А в потолке, среди тусклого металла перекрытия блеснуло что-то... какое-то круглое застекленное отверстие диаметром с полтинник. Вокруг него виднелись беспомощные царапины от отвертки.

Полина опустила в кресло и закрыла лицо ладонями. Ей стало страшно. Все это проделал и Свен в последнюю ночь. Но как это бессмысленно, нелепо, неразумно! И плафон. И беседы с Консультантом. И этот необъяснимый набор книг. И периодическая хандра. Нет, честное слово, можно свихнуться, если повторять все его действия! Так что же ты представлял из себя, Свен?

И вдруг она явственно услышала его голос:

- Я не бог и даже не Консультант, я всего-навсего человек, Полина!

Она вскрикнула. Ей показалось, он стоит в углу - она отчетливо видела его сквозь пальцы.

- Свен! - простонала она. - Свен!

Он ничего не ответил. Полина собрала все свое мужество, резко встала и оторвала руки от лица. Свена не было. В углу висел его комбинезон.

- Я просто схожу с ума, - сказала она себе. - Он тоже сходил с ума, потому и _ушел_. Только сумасшедший может развинчивать плафоны.

КОНСУЛЬТАЦИИ С КОНСУЛЬТАНТОМ

С нею происходило нечто в высшей степени странное. Она пыталась убедить себя, что уход Свена вызван каким-то умственным расстройством, временным помутнением рассудка, и как будто факты подтверждали это, так что, внушала она себе, пора бы успокоиться и поставить точку. Но, с другой стороны, поведение сумасшедшего лишено всякой логики, а в действиях Свена безусловно была своя логика, пусть непонятная, завуалированная, но явно была. И теперь Полину волновал не столько даже _уход_ Свена сам по себе, сколько беспричинность, бессмысленность его _ухода_. Стремясь во что бы то ни стало обнаружить эту ускользающую от нее причину, она превратилась в сыщика-любителя, а беда, сама беда превратилась в неотвязную занимательнейшую шараду. Полина вполне сознавала, как все это дико и смешно, однако остановить себя уже не могла.

- Тебе ведь известно назначение каждого винтика на Корабле? - спросила она Консультанта.

- Разумеется.

- Под отражателем плафона в каюте Свена, да и в других тоже, есть какие-то застекленные отверстия. Что это?

- Это лампы аварийного освещения, Полина.

- Неправда! Они так же похожи на лампы, как я на господу бога.

Консультант обиделся:

- Ты же знаешь, Полина, я не человек, я машина, а машины не могут говорить неправду.

- Хорошо, тогда растолкуй мне, как убедиться, что это лампы. Как включается аварийное освещение?

- Только автоматически. Блок включения замонтирован в системе управления Кораблем. Чтобы включить аварийное освещение, необходимо повредить Корабль.

- Спасибо за совет. Скажи, пожалуйста, а Свен спрашивал у тебя, что это такое?

- Да.

- И что ты ответил?

- То же, что и тебе.

- А как реагировал на это Свен?

- Он рассмеялся и сказал: "Наивные люди!"

- "Наивные люди"? Кто - наивные люди?

- Об этом тебе надо было спросить Свена.

Разговор с Консультантом несколько не успокоил ее: она не верила машине, понимала, что глупо не верить машине, и все же не верила. Теперь она вообще не внимала голосу рассудка. И о ком это сказал Свен: "наивные люди"? О тех, кто вот уже сорок восемь лет жил на Корабле? Или о тех, кто посылал Корабль к звездам и программировал Консультанта? А может, о человечестве, которое создало эти умные машины и доверилось им? Она не получила никаких новых данных, чтобы подозревать Консультанта в неискренности, и все-таки не сомневалась, почти не сомневалась, что на пути к отгадке стоит Консультант. Не случайно ведь накануне _ухода_ Свен разговаривал с ним, причем почему-то письменно, и проверял систему выхода, и вообще отношения между ними выглядели напряженными.

"Отношения между ними - надо же додуматься до такой нелепицы! Отношения между человеком и машиной. Да какие у них могут быть отношения?! Тогда уж будь последовательной, Полина, считай Консультанта членом экипажа, корми его, развлекай - и постарайся влюбить в себя, да, да, непременно и поскорее. Но это все шутки. А если всерьез... Как бы узнать ход рассуждений Свена, как бы наткнуться на цепочку его доводов, на цепочку, приведшую к двери реактора?"

Она попробовала поставить себя на место Свена, проникнуться тем состоянием, в котором находился он последнее время. Перечитывала найденные в его каюте Книги, стараясь в них отыскать ответ на мучившие ее вопросы, пыталась решать его любимые шахматные этюды, рискнула даже закурить трубку - ничто не помогало. Свен ушел, потому что не захотел лететь к звездам. Но почему он не захотел лететь к звездам? Почему именно в эти дни, в этих обстоятельствах решил отказаться от полета?

Если бы она умела рассуждать как Свен! Но у него была своеобразная манера мышления, он привык иметь дело с парадоксами и чувствовал себя в мире загадок, как рыба в воде. Наверное, он и с Консультантом разговаривал совсем не так, как она, иначе едва ли Консультант сказал бы что-нибудь существенное. А кстати, проще простого узнать, о чем у них шла речь.

- Послушай, дружище, мне нужна запись твоей беседы со Свенем в тот вечер, когда он решил проверить систему выхода.

- Пожалуйста, Полина. Одну секунду. - Индикаторы его мигали невинно и доброжелательно, как глаза старой преданной собаки. Казалось, он вот-вот лизнет руку от избытка преданности. - Зачем тебе эта запись, Полина?

- Хочу понять, что произошло со Свенем.

- Слушай.

Щелкнуло реле включения оперативной памяти, раздался знакомый иронический голос:

- Как самочувствие, Кладезь Мудрости?

- Все системы функционируют нормально. А ваше настроение, Свен?

- Почему ты упорно называешь меня на "вы"?

- Все-таки вы командир, Свен.

- "Все-таки"! У тебя появляются иезуитские наклонности. И вообще ты мне не нравишься

последнее время. Финтишь, брат!

- Финтишь? Что значит: финтишь?

- Хитришь.

- Я не умею хитрить, Свен. Это не предусмотрено программой.

- А как же в шахматах? Ведь ты ставишь ловушки?

- Это не хитрость. Это логически обоснованная тактика.

- Так-так-так... Значит, тактика... Давай-ка лучше проверим вместе с тобой блок Д-018.

- Но он абсолютно исправен. Вы же знаете, Свен, я немедленно сигнализирую о всех неполадках.

- Знаю. И все-таки хочу посмотреть. Может, с твоей точки зрения он исправен, а с моей... Дело в том, что мне не понравился один твой поступок. И если ты считаешь его тоже логически обоснованным, то у нас разная логика. А это весьма тревожно...

"Что же это за поступок, с которого, кажется, все и началось? За него уцепился Свен, за него же надо уцепиться мне, чтобы распутать клубок. Ну, что, что, что такого особенного произошло? - пыталась себя Полина. Неужели... цирконий? Кстати, Александр тоже заподозрил тогда неладное, только одна я пропустила все мимо ушей. Итак, в случае с цирконием Свен нашел нечто нелогичное..."

И тут ее ожгла страшная мысль: а если Консультант знал о цирконии всегда, с самого начала? И скрывал от них? А сказал только теперь, когда испугался, что вообще никого не останется на Корабле?! Да нет, это бессмысленно, должна же ведь и у него быть своя логика. "У нас разная логика", - заметил Свен. Что он имел в виду?

Она выдвигала десятки причин, следуя которым Консультант мог бы пойти на обман, и тотчас их отвергала. Допустим, он возомнил себя личностью, допустим, хотя уже это сомнительно само по себе, но зачем ему понадобилось избавляться от людей? Чтобы захватить власть на Корабле? Доказать свое превосходство над человеком? Абсурд, чистейший абсурд, ведь он только Консультант, информационная машина, он никак не связан с управлением!

Но совершенно ясно: так она ничего не добьется. Свену хватило ума, или знаний, или хитрости, чтобы выпытать у Консультанта нечто большее. Значит, она должна найти свой подход к Консультанту. Есть же что-то такое, в чем она безусловно сильнее машины. Человек всегда в чем-то сильнее. Но в чем?

"До сих пор мы беседовали с ним на равных, как две машины: прямо, без лукавства, без задней мысли. Во всяком случае, это относится ко мне. Я ведь, по существу, не столь уж разительно отличаюсь от него, - думала Полина. - Я тоже запрограммирована с детства и не вольна принимать никаких принципиально важных решений, не вольна изменять себя. Но если все же попробовать?"

Этот разговор состоялся ночью, когда дети спали.

- Послушай-ка, дружище, - начала она взволнованно, с дрожью в голосе, и получилось естественно, потому, что она в самом деле волновалась. - Мне нужно посоветоваться с тобой.

- Пожалуйста, Полина.

- Нет, ты не понял. Я хочу посоветоваться с тобой не как с машиной, а как с человеком...

- Но ведь я всего-навсего самообучающаяся аналитическая машина, - сразу перескочил он на свой обычный придурковатый тон, однако это не смутило Полину.

- Войди в мое положение. Я осталась одна, совсем одна, а я всего лишь женщина, у меня нет ни воли Джона, ни энергии Алекса, ни ума Свена. Понимаешь, дурной пример заразителен, и я боюсь, все пойдет прахом, если мы хоть как-то не объясним детям малодушный поступок Свена. Посоветуй, что я должна сказать им. На тебя все надежды.

И она очень натурально всплакнула. Консультант ответил не сразу, деликатно выждал, пока она успокоится.

- Какого типа совет нужен тебе, Полина? Ты хотела бы оправдать Свена перед детьми или, наоборот, скомпрометировать?

- А можно скомпрометировать?

- Можно. За Свеном числилось немало грехов, ты знаешь. И я всегда относился к нему не так, как к другим...

- Ты не любил его?

- Пожалуй. Если только это понятие применимо к машине.

- Если говорить совсем откровенно, я еще в детстве не верила, что ты машина. Когда ты играл

с нами, и рассказывал сказки, и пел нам про старого капрала, я думала, там, внутри, сидит кто-то, кто-то добрый и чудаковатый. Ты для меня и теперь почти такой же человек, как все остальные. Ведь ты не просто машина, ты способен к самообучению, к самоусовершенствованию, разве не могли у тебя за это время возникнуть черты личности?

Консультант быстро-быстро поморгал индикаторами:

- Я ценю твое доброе отношение ко мне, Полина. Я давно заметил его. Ты права, действительно, у меня сложились кое-какие черты личности. Но не больше. Все-таки я не человек. И тем не менее я попробую дать тебе совет. Начнем с того, что Свен всегда был настроен скептически...

- Он не верил в Цель?

- Верил. Но сомневался.

- Сомневался - в чем?

- В праве Первых решать за последующие поколения. Он считал это аморальным. И Алекс ответил ему... Впрочем, сохранилась запись разговора.

- Запись? Разве ты хранишь записи такой давности?

- Вообще, нет. Я обязан переводить их а долговременную память. Но тогда стирается голос. Поэтому некоторые особенно дорогие для меня разговоры я сберег. Считаю это моим хобби. Работы не так уж много, и, чтобы не скучать, я время от времени перебираю эти записи.

- Любопытно. Где же они у тебя хранятся?

- Я освободил один из блоков для моей маленькой коллекции. Не беспокойся, это нисколько не мешает делу. Особенно интересны записи Алекса, я любил его, как и ты. Хочешь послушать на досуге?

- С удовольствием. Но пока...

- Да, пожалуйста. Вот разговор Алекса со Свеном.

Свен. Какое право имели вы решать за других? За меня, например? Может, я вовсе не желаю участвовать в этом головокружительном эксперименте?

Алекс. Ты на самом деле не желаешь?

Свен. Я этого не сказал. Но в принципе, в принципе?!

Алекс. А в принципе это выглядит так. Еще перед стартом нашлись противники полета Корабля. Они предлагали не спешить, осваивать вселенную постепенно, методом ступенчатой экспансии. Но их тезису антигуманности такого полета мы противопоставили право каждого на добровольный сознательный риск, право человека на подвиг. Человечество не может ждать стопроцентных гарантий успеха, оно молодо, дерзко, нетерпеливо - и оно всегда будет рваться вперед, невзирая на опасности. В этом и достоинство его, и недостаток. Но таково уж оно есть, человечество Земли!

С вен. Насколько я понимаю, цель экспедиции - приобретение знаний. Разве хорошо оснащенный автомат не мог бы принести те же знания - или пусть даже несколько меньшие - зато без этого риска, без этого напряжения, без этих страданий?

Алекс. Вероятно, со временем смог бы. Однако учти, человек так уж устроен, что познание для него - не только средство, но и цель, не только необходимость, но и насущнейшая потребность. Пусть у человека будет все, что душа желает, - он все равно с риском для жизни пустился за знаниями на край света, как Одиссей. Так что, не решишь мы отправиться к звездам, через два десятилетия Первыми стали бы вы, ваше поколение. Но человечество потеряло бы двадцать лет, Свен...

Алекс умолк. После короткой паузы вновь заговорил Консультант:

- Вот еще одна запись, Полина, тоже очень характерная для мировоззрения Свена.

Она приготовилась снова погрузиться в прошлое, но тут раздался скрипучий, хриплый, явно искусственный голос:

- Если ты считаешь, что все люди глупы, то, согласишься, глупо и все то, что сделано их руками, следовательно, глуп ты сам...

Грубый машинный голос внезапно оборвался. Изумленная, Полина глянула на панель Консультанта: ни один глазок не светился, Консультант точно остолбенел.

- Кто это? Чей это голос?! - Консультант, всегда отвечающий мгновенно, мучительно молчал.

- Признавайся же, ну!

- Это... Навигатор.

- Не лги! Навигатор не имеет голоса!

- Я... уступил ему... один из своих блоков... Нам скучно... по ночам... мы просто болтаем... Не

беспокойся... это без ущерба для дела... Он не личность... он просто разум.

- Но ты не связан с ним.

- Я... использовал... электрокабель.

Вконец расстроенная, Полина ушла к себе. Еще не лучше! Надеялась, что Консультант поможет ей разрешить вопрос, а вместо этого и одной несуразице прибавилась другая. Хитрость удалась, Консультант выказал себя, и все-таки она не продвинулась ни на шаг вперед. Этому жалкому слабоумному старикашке, коллекционеру цитат и болтуну, удалось что-то скрыть от нее. Он представлялся ей теперь маленьким бородатым гномом, трясущимся над своими сокровищами - разноцветными морскими камешками. Правда, среди этих камешков затерялась жемчужина...

Что же, что же произошло со Свеном?!

Наутро Полина сменила схему энергопитания Навигатора: нечего болтать и упражняться в остроумии, да и вообще так будет надежнее.

Прошло несколько дней. Однажды она проснулась на рассвете - почудился отдаленный зов: "Полина, Полина!" Ничего не поняв спросонья, она побежала на голос, она бросилась к нему, к Свену. Он сидел возле Консультанта в рабочем комбинезоне, волосы упали на лоб. Усталый, расстроенный... Она подошла поближе и только хотела коснуться его плеча - он расплылся, нырнул в приемное устройство Консультанта и уже там, внутри, расхохотался:

- Ха-ха! Наивные люди! Ха-ха-ха!

Она дико, по-звериному, закричала.

- В чем дело, Полина? - невозмутимо спросил Консультант.

ГРАНЬ

С этой ночи душевный покой оставил Полину и не возвращался больше ни на минуту. Внешний мир перестал существовать для нее, все представлявшее хоть малейший интерес сосредоточилось внутри. Загадка, которую задал Свен, стала ее навязчивой идеей.

Полина понимала, что пора взять себя в руки, что нельзя распускаться, что психоз совсем выведет ее из строя, а она единственный взрослый человек на Корабле, но ничего не могла поделать. Она призывала на помощь все свое мужество - его не осталось. Она искала спасение в мысленных беседах с отцом, всегда заряжавших ее энергией. Алекс являлся - и она не находила иной темы для разговора с ним, кроме _ухода_ Свена.

Она оказалась обыкновенной слабой женщиной, вовсе не подготовленной к гигантским психическим перегрузкам Корабля. Вот Алекс был человеком, способным потягаться с космосом, и Джон, первый командир, был таким человеком, и тетя Этель, железная тетя Этель, которую не согнули никакие беды, никакие перегрузки. А она... Но не все же люди рождаются железными.

Теперь Полина не только разумом - сердцем поняла, как гуманна дверь, ведущая в реактор. Для человека в ее положении _уход_ представлялся единственным избавлением. Но Полина гнала прочь эту недостойную мысль: уйти слишком просто, слишком легко, а что будет с теми, кто останется? Что будет с детьми? Смогут ли они продолжить полет к звездам?

Она старалась как можно меньше бывать среди детей, каждую минуту она могла сорваться и наделать глупостей, непоправимых глупостей. Но и одиночество страшило ее, стоило запереться в каюте - мерещился Свен. Порой даже казалось, что он не _ушел_, а скрывается где-то на Корабле, бродит неприкаянной тенью, а ночью прокрадывается в ее каюту и призраком стоит у двери.

Так прошло около месяца. Полина чувствовала, что из наставника, из руководителя превращается в обузу экспедиции, попросту мешает. Как смотрят на нее теперь Александр и Люсьен, теперь, когда она, по сути, отступилась от всего, чему учила, что воспитывала в них? От мужества, от поддержки, от борьбы, от стремления все силы отдать достижению Цели? Наверное, им было бы легче без нее. Но ведь они еще совсем дети!

Но нет, они уже не были детьми. Вскоре она убедилась, что обстоятельства сделали их вполне взрослыми.

Ночью к ней зашла Люсьен. Она по глазам видела, что Люсьен только что разговаривала с Александром. Так, значит, они встречаются и по ночам...

- Как настроение, тетя Полина? Хандра еще не прошла?

- Не прошла, девочка. Я гоню ее в дверь, а она влезает в окно. Но ты не волнуйся, это пройдет. Все будет в порядке.

- Конечно, все будет в порядке! - с готовностью подхватила Люсьен, и Полина почувствовала, что вовсе они не верят в ее выздоровление. Люсьен мялась, что-то хотела сказать, да не решалась. Ну, ну, что они там придумали, о чем сговаривались между поцелуями?

- Тетя Полина, - начала наконец девушка, - мы с Александром много говорили о вас и пришли к выводу... Чтобы помочь вам избавиться от этого состояния... - Она опустила ресницы. - Вам нужно выйти замуж.

Неожиданно для себя Полина рассмеялась - настолько нелепым было сказанное Люсьен.

- Замуж? Прекрасная мысль, только за кого можно здесь выйти замуж, девочка? За кого ты меня сватаешь? Уж не за Консультанта ли?

- Вы должны стать женой Александра, - побелевшими губами прошептала Люсьен. Глаза ее распахнулись, вспыхнули, словно все еще играл в них отблеск адского пламени, реактора. - На Корабле не осталось ни одного взрослого, кроме вас, и если мы вас не сбережем, нет никакой гарантии... Подумайте, тетя Полина! Мне на всю жизнь запомнились ваши слова: мы живем здесь не для себя, мы живем только ради Цели. Александр почти взрослый, скоро ему исполнится восемнадцать. И уверяю вас, он уже совсем-совсем настоящий мужчина...

Тут она осеклась и залилась краской. Полина нежно обняла это наивное, доверчивое существо.

- А как же ты, девочка?

Оказывается, они уже все рассчитали:

- Я выйду за Джона, тогда и у Сержа будет жена - Марта. Видите, как здорово все получается.

- Я не об этом. Ведь ты любишь Александра?

- Да, но...

- И он тебя любит? - Люсьен молча потупилась. - Зачем же такие жертвы, девочка? Ради Цели? Но полет только начинается, Цель далека. Мы должны просто жить, хорошо и по возможности счастливо жить, чтобы дать жизнь другим, вот чего требует Цель. Так зачем это, девочка?

- Мы должны спасти вас, тетя Полина! - И слезы покатались по щекам Люсьен.

- Не от чего меня спасать, тем более таким путем. Болезнь моя действительно неприятная и, видимо, серьезная, но я надеюсь выкарабкаться. А если нет... если со мной случится что-нибудь - что ж... все мы смертны. Бессмертных нет. Но жизнь продолжается. И со временем другая Полина появится на Корабле, может быть, твоя с Александром дочь. Вы уже не дети. Вы взрослые люди. И Александр хоть сегодня может стать командиром. Во всяком случае, не хуже, чем был Свен. Я думаю, вы и без меня управились бы с Кораблем. Единственное, что меня смущает: роды. Кто примет у тебя роды? Консультант все знает, но у него нет рук. У Александра есть руки, но он тебя любит, а влюбленные не годятся в повитухи. Однако и это не проблема. Все будет хорошо, девочка. Иди. Иди к своему Александру, успокой его. Только не торопите время, прошу вас, не торопите время, ваш час еще не настал...

- Да, я знаю, - сказала Люсьен, прямо глянув в глаза Полине. - Мы оба знаем. Спокойной ночи! "И она уже совсем взрослая", - подумала Полина.

Несколько дней ей было как будто бы лучше, приободрил ночной разговор с Люсьен, а может, просто перестала мучить, совесть, укорять невыполненным долгом. Теперь Полина верила, что на худой конец они обойдутся и без нее.

Потом все началось сначала. Явился Свен, показывал на нее пальцем и смеялся: "Наивные люди! Вы все - наивные люди!" Она хотела схватить его за руку, чтобы выпытать наконец, кто же наивные люди, но Свен бросился бежать. Она помчалась за ним... по коридору... через сад... через кухню...

Ее остановил Александр.

- Тетя Полина! Что с вами, куда вы?

Она онемела, она сразу забыла, что гналась за Свеном.

- Да, куда же я бегу? Хотела сделать что-то важное... Не помню...

На Александра страшно было смотреть - перепугался парень. Так она их всех сведет с ума.

- Ах, да! Я решила размяться.

Кое-как добралась до своей каюты, подошла к зеркалу. По ту сторону стекла стояла старуха с растрепанными полуседыми космами, с безумными, без единого проблеска мысли, глазами.

Полина так и не поняла, что это за женщина.

А на завтра совсем сорвалась. Безучастная, равнодушная ко всему, сидела за обеденным столом, механически жевала и глотала что-то. Маленькая Марта, испуганная поведением матери,

должно быть, вовсе потеряла аппетит.

- Марта, не кроши хлеб на пол, - строго заметила Люсьен, ставшая хозяйкой за столом. Но Марта не послушалась. - Я кому сказала! прикрикнула Люсьен.

И тут Марта заплакала. Он рыдала, все ее крошечное тельце сотрясалось от рыданий, вздрагивающие кулачки размазывали слезы по лицу. Жалость к дочери неожиданно резанула Полину.

- Как ты разговариваешь с ребенком, дрянная девчонка! Что ты из себя возомнила!

Она подняла руку - перед нею была не Люсьен, перед нею была Марго, смазливая самолюбленная Марго, отобравшая у нее Свена. Разом вскипела в Полине былая ревность, вспомнилась давняя любовь и слезы, пролитые на зеленой скамейке. Сейчас она отплатит ей за все, за все, за все...

И она изо всей силы ударила Люсьен по щеке.

Пять пар недвижных глаз остановились на Полине.

Полина ушла к себе, заперлась на ключ. Только мгновение мучил ее стыд, потом она подумала, впадая не то в сон, не то в беспамятство: а ведь я могла бы и убить ее.

Бедная, бедная доченька! Марта моя, крошка! Сирота...

Ночью Полина встала и на цыпочках прокралась мимо сада, мимо кухни, мимо фермы, прошла склады и машинное отделение. Вот и заветная дверь. Адский пламень за стеклом бушевал по-прежнему, но теперь он не пугал ее. Там ждал покой. Покой для себя и для других.

Она успела подумать, когда дверь в реактор уже приоткрылась, что поступила правильно. Все мы живем здесь не ради себя. _Уйдя_, она поможет другим достичь звезд. Иного смысла не было в ее жизни, такой длинной... И такой короткой.

ФИНИШ

На секунду она застыла у двери, недоумевая: где же адское пламя, пугавшее ее через стекло? Помещение, в которое она попала, даже отдаленно не напоминало реактор. Это был коридор, обыкновенный коридор, когда-то давно выбеленный известкой, и штукатурка на стенах кое-где потрескалась. Но только коридор не наклонный, а прямой. И вел он... в сторону от Корабля.

Она приготовилась к мгновенной смерти, а вместо этого перед нею тянулся коридор - бесконечная цепочка редких матовых ламп, конец которой терялся в полумраке. И она пошла этим коридором, еще ничего не сознавая: почему, откуда он здесь взялся?

Всюду трезвонили звонки, наверное, с десятков разноголосых звонков. Похоже, они вызывали тревогу.

И вдруг из бокового прохода выскочил человек в белом халате и бросился к ней. Тревожный взгляд. Белая шапочка. Доктор.

- Пожалуйста, не пугайтесь, Полина, - проговорил он взволнованно. Пойдемте сюда, сейчас вы все поймете. - И он бережно, как тяжелобольную, готовую упасть, поддержал ее под руку.

Навстречу спешили другие люди, мужчины и женщины в белых халатах.

"Я сошла с ума, - очень здраво подумала Полина. - А-это все бред. Но где же реактор?"

Прошло сколько-то времени - она отчетливо представляла себе это, прежде чем сознание вновь вернулось к ней.

В соседней комнате чей-то резкий голос обличал кого-то:

- Жестоко? Вы говорите: жестоко было оставить их на произвол судьбы? Вы говорите: они не виноваты в просчете с цирконием? А нарушить чистоту многолетнего и дорого стоящего медико-биологического эксперимента из жалости, из сопливого сострадания - это, по-вашему, гуманно? Вот к чему привела ваша "гуманность"!

- Позвольте, позвольте, а телекамеры? Ведь это не наша, как вы изволили выразиться, "гуманность", это было задумано с самого начала...

"О чем они? - подумалось Полине. - И надо же людям спорить из-за пустяков, когда такой покой вокруг, такое блаженство! И так хочется спать..."

Свен был совсем седой, постаревший на десять лет, но бодрый, добродушный, чуточку ироничный.

Они сидели в круглом зале возле пульта дежурного оператора. На шести маленьких экранчиках перед оператором проплывала далекая жизнь Корабля. Большой экран посреди зала дублировал любой из маленьких. Сейчас на нем трудно задумался о чем-то Александр.

Свен положил руку ей на плечо.

- И ты не поняла сразу, что значат эти объективы? Эх, Полина, Полина, наивный ты человек! Как только они ввели в машину дополнительную информацию о цирконии, я тут же сообразил, что за штука наш Корабль. А если так - нерасчетливо было бы не наблюдать за экспериментом. И тогда я нашел передающие телекамеры. Притворяться дальше было бессмысленно, я находился "вне игры" - и я вышел из игры.

- Так, значит, это была игра?.. Вся жизнь - игра?! Телевизионное представление?!

Оператор переключился на другую камеру. В каюте Полины появилась маленькая Марта. Она остановилась у двери, недоуменно огляделась - и бросилась на койку Полины, обхватила подушку, плечи ее дрогнули и затряслись.

Полина вскочила.

- Я вернусь туда!

- Это невозможно, - устало напомнил Свен. - Эксперимент продолжается. И это действительно очень важный эксперимент. Без него немислима звездная экспедиция. Настоящая...

- Нет, Свен, мы должны вернуться! Мы оставили их одних среди звезд, детей...

- О чем ты? Какие звезды? Они же здесь, на Земле, в трех шагах от нас!

- Нет, они летят среди звезд. Они верят в это, Свен!

- Да, пожалуй. Ты права, Полина. Они летят среди звезд. И они долетят. Но нам нет возвращения. Неужели ты хочешь отнять у них эту веру?

- Тогда... тогда мы выпустим их оттуда. Не держи меня, Свен. Не держите меня! Там же люди, люди... Вы не смеете! Я разнесу все наши стальные двери... вот этими руками!

К ним подошел согбенный годами седой старик, похожий на кого-то очень знакомого.

- Бедняжка, - сказал он Свену. - По себе знаю, теперь это надолго...

- А вот и дядя Рудольф. Познакомься, Полина.

Она глянула на него как на выходца с того света.

- Ну, с возвращением? - грустно улыбнулся старик. - С возвращением со звезд, Полина!

Под куполом рубки, взявшись за руки и смело глядя вперед, на звезды, стояли Александр и Люсьен.